

черносотенцы и кадеты. Нет, здесь "Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердца людей", и потому-то трагедия "Бесы" имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе такое зерно бессмертной жизни, луч немеркнущей истины, какие имеют все великие и подлинные трагедии..." [1, с. 450].

Предостерегая общество от грозящей опасности тоталитаризма, писатель понимал необходимость поиска ответов на экзистенциальные вопросы, ответов, противоположных бесовским. Гармония человеческого бытия не может достигаться вне человека, без его умственных и нравственных усилий.

Список литературы

1. «Бесы»: Антология русской критики / сост., подгот. текста, послесловие, коммент. Л. И. Сараскиной. – М. : Согласие, 1996.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Наука, 1990.
3. Иванова А. А. Философские открытия Ф.М. Достоевского. – М. : Наука, 1995.
4. Иванова А. А. Русская классическая философия: от Ф.М. Достоевского к И.А. Ильину. – М. : Диалог-МГУ, 1999.
5. Пономарева Г. Б. Достоевский: я занимаюсь этой тайной. – М., Академкнига, 2001.
6. Розанов В. В. Сочинения. – М. : Правда, 1990.

References

1. «Besy»: Antologija ruskoj kritiki. M., Soglasie, 1996.
2. Dostoevskij F. M. Sobraie sochinenij: in 15 vol. M., Nauka, 1990.
3. Ivanova A. A. Filosofskie otkrytija F.M. Dostoevskogo. M., Nauka, 1995.
4. Ivanova A. A. Russkaja klassicheskaja filosofija: ot F.M. Dostoevskogo k I.A. Il'inu. M., Dialog-MGU, 1999.
5. Ponomareva G. B. Dostoevskij: ja zanimajus' jetoj tajnoj. M., Akademkniga, 2001.
6. Rozanov V. V. Sochinenija. M., Pravda, 1990.

РОМАН И.А. КУЩЕВСКОГО «НИКОЛАЙ НЕГОРЕВ, ИЛИ БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИН»: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

Андреева Валерия Геннадьевна, кандидат филологических наук, докторант, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, 156961, Россия, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14, e-mail: lanfra87@mail.ru.

В статье идёт речь о единственном законченном романе И.А. Кущевского, о жанровой характеристике этого произведения, однозначно не вписывающегося в группу романов о «новых людях». Автор статьи находит в романе Кущевского черты семейной хроники, общественного, психологического и эпического романов, подчёркивает особенности главного героя, отмечает выполняемую им роль, наблюдает за сложно организованной системой смысловых притяжений и отталкиваний. По мнению автора работы, благодаря созданию нестандартных, неоднозначных образов Кущевскому удалось значительно приблизить роман к реальной действительности. Эпическая сущность небольшого по объёму произведения достигается писателем за счёт умелого соотношения фигур и определения жизненных приоритетов, за счёт прорисовывания частных судеб на фоне эпохи, тонкого сцепления личного и общественного. Писатель изображает фигуры разночинцев, одержимых новыми идеями, персонажа, увлечённого идеей освобождения крестьян, и, что очень

важно, показывает реакцию общества на поступки отдельных героев. Примечательна объективность изображения и авторской оценки происходящего. Кушчевский избирает наиболее уместный для эпического романа ход: итоги поведения и действий его героев определяются самой жизнью.

Ключевые слова: роман, Иван Кушчевский, художественный мир, жанр, эпический роман, роман о «новых людях», семейная хроника

THE NOVEL "NIKOLAI NEGOREV, OR THE SUCCESSFUL RUSSIAN" BY IVAN KUSHCHEVSKY: GENRE FEATURES AND THE MAIN CHARACTER IMAGE

Andreyeva Valeriya G., Candidate of Philological Sciences, doctoral candidate, Nekrasov Kostroma State University, 156961, Russia, Kostroma, 1 Maya st., 14, e-mail: lanfra87@mail.ru.

It is the matter of the only finished novel by Ivan Kushchevsky in the article, as well as of the genre characteristics of this work which does not unambiguously fit into the "new people" novels group. The author of the article finds traits of family chronicle, social and psychological novel, and epic novel in Ivan Kushchevsky's novel, emphasizes features of the main character, notes the role which is carried out by it, observes the system of semantic attractions and repulsions which are organised in the work in a complicated way. According to the author of the work, thanks to creation of non-standard, ambiguous images, Ivan Kushchevsky managed to approach reality considerably in the novel. The epic essence of the literary work, which is small by volume, is reached by the writer due to skillful correlation of figures and due to definition of life priorities, at owing to giving a subtle portrayal of private destinies against the background of the era, the subtle linkage of the personal and the public. The writer depicts the figures of the people of miscellaneous ranks obsessed with new ideas, the character who is carried away by serfdom abolition idea and, which is of particular importance, shows reaction of the society to deeds of certain characters. Objectivity of the image and the author's assessment of the events are remarkable: Ivan Kushchevsky chooses the course which is the most relevant to epic novel: results of behaviour and actions of his characters are defined by the life itself.

Keywords: novel, Ivan Kushchevsky, artistic world, genre, epic novel, "new people" novel in Russian Literature, family chronicle

В череде романов 1870-х годов следует особо выделить роман И.А. Кушчевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1871), который, по нашему мнению, представляет большой интерес на уровне жанровой формы и содержания, нуждается в непредвзятом осмыслении. Роман Кушчевского сразу после выхода в свет (впервые он появился в журнале «Отечественные записки» в 1871 году, а в 1872 году вышел отдельным изданием) стал центром внимания читающей публики. Как справедливо отметил А. Горнфельд, произведение это «выделялось простым, здравым взглядом, чуждым всякого доктринерства, и являлось отголоском общественных настроений, воплощённых в новых, ещё никем не подмеченных образах». Кроме того, критик заявил, что «полное идейного содержания, оно отвечало и требованиям эстетической критики» [3].

Вышеприведенное замечание очень метко: действительно, Кушчевскому в своём романе удалось создать непротиворечивый художественный мир, в котором все явления, образы, события оттеняют друг друга и позволяют читателю осознать атмосферу эпохи, увидеть жизнь русских людей определённого десятилетия (конец 1850-х – начало 1860-х годов). Несмотря на то что Кушчевский вошёл в литературу как разночинец-демократ, на творчество которого во многом повлияли идеи Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова,

его роман «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» очень оригинален и не отличается резкостью призывно-проповеднического пафоса.

В.А. Недзвецкий рассматривает роман Куцевского в ряду других романов о «новых людях», к которым он не без оснований причисляет произведения В.А. Слепцова, Н.Ф. Бажина, Н.А. Благовещенского, Д.К. Гирса, И.В. Омуплевского, А.К. Шеллера-Михайлова [6, с. 78]. При построении такого ряда получается, что по времени создания роман Куцевского оказывается одним из самых поздних. По нашему мнению, «Николая Негорева, или Благополучного россиянина» причислить к указанной выше тематической, смысловой группе можно только с большой долей относительности.

Роман Куцевского перерастает повествования о «новых людях», большинство из которых, как справедливо заметил И.И. Замотин, очень удачно описывают типичные шаблоны тенденциозной беллетристики: «Передовой разночинец входит, в качестве гувернера, учителя, врача и т.п. в семью помещика или в какую-либо общественную или официальную среду, вступает в борьбу с рутинёрством старшего поколения <...>, увлекает за собою молодёжь обою пола...» [4, с. 131]. Скорее всего, анализ жизни и романов о русских разночинцах привел Куцевского к тому ироничному, а вместе с тем и жалостливо-восхищённому взгляду на «нового человека» (образ Сергея Оверина), который главенствует в его произведении.

Кроме того, любая схема, находившая реализацию в русском реалистическом романе, не была шаблонной, быстро перерастала сама себя. Необходимо отметить, что чёткое тематическое и проблемное деление русских романов второй половины XIX века очень условно, как и классификации, основанные на таком делении. Н.Я. Берковский писал: «Русский роман был памятником истории нации и народа, всякое более дробное и специальное понимание умаляет его» [1, с. 168]. Куцевский, отчасти следуя за создателями романов о «новых людях», отчасти пародируя их, выходит к глобальным обобщениям и картинам, приближающимся к эпическим. Рассуждая о характерных для разночинцев указанного периода идеях, писатель пытается показать их объёмно, освещает всё происходящее в свете жизненной правды, оказывающейся индикатором любой лжи и фальши. Кроме того, главный герой его романа предстаёт сложной и противоречивой личностью, однозначно не оцениваемой автором. Поступки Николая Негорева выдают в нём тот ограниченный рассудком тип, который не позволяет идти на подвиги, жертвовать собой, силами, временем ради людей или идеи, однако даёт возможность быть успешным. Писатель показывает нам историю становления такого героя, удачно высвечивая её другими образами.

Указанный роман стал единственным крупным законченным произведением Куцевского, а написан он был в больнице, куда писатель попал из-за сильной простуды. Именно нахождение в больнице помогло всегда нуждающемуся писателю, принимающемуся за работу батраков, завершить своё детище. Пересказ содержания данного произведения возможен с трудом, поскольку художественный мир его полон жизненных мелочей, и ни одна из них после прочтения не оказывается второстепенной: произведение обретает особую ценность ещё и как верно данная зарисовка, картина времени. Перед читателями оказываются жизнь и взросление трёх членов обедневшей дворянской семьи Негоревых: братьев Андрея и Николая и сестры Лизы. С первых страниц романа Куцевский предстает перед нами в том числе и автором семейной хроники. Роман его можно назвать сложным синтетическим целым, вобравшим в себя, кроме семейной хроники и романа о «новых людях», ещё и общественный роман, «психологический роман», «исторический роман». Более того, «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» содержит яркие черты эпического романа.

Перед читателем разворачивается история семьи или фамилии, однако немного не так, как в семейной хронике. Жизнь главных героев рассматривается автором на фоне важнейших исторических событий. Но при этом всё-таки именно личная, частная жизнь оказывается в центре внимания. В художественном мире романа Куцевский уделяет пристальное внимание человеку, однако он не замыкается на одном герое, показывает жизнь в её полноте и многообразии, передаёт сложное пересечение, разветвление жизненных дорог более десятка героев.

Роман написан от лица Николая Негорева, который рассказывает о своей жизни, судьбах своих родственников и друзей. Но этот рассказ-воспоминание фактически оказывается и для Негорева, и для читателя переживанием всех романских событий. Жизненные наблюдения и описания Николая Негорева достаточно объёмны, содержательны; только в финале избирает он несколько более краткую манеру повествования: «Последующие за тем события так близки ко мне, что я не могу их рассказывать равнодушно и принужден быть кратким, чтобы не нарушить в рассказе беспристрастного тона, который я везде старался сохранять. Кроме того, подробности были бы даже утомительны. Тут я являюсь человеком, уже вполне убродившимся, и вступаю в спокойную колею жизни, без тревог и случайностей» [5]. Рассказчиком-повествователем в романе Куцевский делает умного, делового, но расчётливого дворянина, точка зрения которого то совпадает с авторской, близко приближается к ней, то отходит от неё. Между тем, Николай Негорев – фигура сложная, нуждающаяся в глубоком осмыслении. Наряду с недостатками, Негореву принадлежит и ряд явных достоинств, обусловивших и обуславливающих его роль и функцию в романе, – это внимательность, наблюдательность и цепкий ум, способность реагировать на ситуацию и чувствовать, отличная память и умение выделять главное.

По воле автора Николай подробно рассказывает нам о своём детстве, о детстве растущего вместе с ним брата, о жизни и учёбе в гимназии, гимназических порядках, о пребывании в университете, наблюдении за событиями, происходящими в жизни его друзей. Взгляд Николая Негорева, преломляющийся через авторское видение мира и отношение Куцевского к своим героям, этот достаточно объективный взгляд реалиста с отрицательными выпадами по поводу некоторых идей и увлечений времени, помогает читателю приблизиться именно к эпическому взгляду на происходящее в России. Главной особенностью такого взгляда, придающей ему универсальность, оказывается своеобразная дистанция, которую выдерживает персонаж с каждым лицом, предметом, явлением. Негорев – человек чувствующий, он отдаляет от себя всё, что попадает на пути, чтобы отстранённым взглядом соизмерить ценность и нужность кого-либо или чего-либо, а потом уже действует по ситуации.

Благодаря расхождению во взглядах автора и его героя и их сближению, которое, разумеется, чувствует и пытается уяснить читатель, Куцевский достигает как бы сложного двойного ряда притяжений и отталкиваний смыслов. Кроме того, у повествователя Куцевского есть ряд важнейших функций: во-первых, он призван высветить свойственные жизни крайности и несообразности, во-вторых, о чём справедливо писал Н.И. Пруцков, он «даёт автору возможность внести в роман и собственную скептическую ноту в оценку общего итога изображённого им процесса жизни» [7, с. 79].

В отличие от горячих и порывистых брата и сестры Николай очень рассудителен. Не очень хорошее здоровье не позволяет отдать мальчика в корпус, но карьера будущего военного, как видит читатель, его не особенно привлекает. Складывается впечатление, что взрослый взгляд на вещи становится характерным для этого ребёнка очень рано, и это подтверждается воспоминаниями и описанием поведения Николеньки. К примеру, мальчик спокойно наблюдает за дракой брата и его приятеля, не пытаясь разнять друзей, не

просыпается в нём и мальчишеского желания померяться силами. После его интерес к войнишке (коллективной драке молодых мужиков, служащих, учащихся) кажется также очень практичным. На фоне неожиданного оживления Бенедиктова, радостных призывных криков брата Андрея Николай относится к этому событию, как и ко многим другим, рассудительно и спокойно, проявляя живое любопытство ко всему ещё не виденному им и могущему быть интересным и полезным в жизни: «Мне тоже было очень любопытно посмотреть войнишку, и я не без удовольствия готовился идти туда, подвязывая наушники и надевая форменные казённые рукавички» [5].

Характеры Николая, его старшего брата Андрея и младшей сестры Лизы складываются с самого детства. Николай рассказывает о том, как его коробило даже от одного вида тех «грязных, полунагих животных, с коричневым телом и блестящими зубами» – деревенских мальчишек, с которыми играл Андрей. С раннего детства Николай не чувствует родственных отношений с братом, ему и не нужны близкие люди, этому умеренному потребителю, ищущему место под солнцем, намного легче протискиваться к свету одному, ловко обходя возникающие трудности за счёт использования других людей, не задумываясь о последствиях.

В детстве Николай не тянется к сверстникам: «Я был как-то малообщителен в детстве, и товарищество не имело на меня никакого влияния. Я сразу сделался отличным учеником, приготавливая самым аккуратным образом уроки и удаляясь как можно дальше от всяких скандалов» [5]. Читатель понимает, что отчасти такое поведение благотворно влияет на развитие мальчика, позволяя ему больше времени уделять учебе, но при этом Николай и в силу склада характера, и осознанно лишает себя круга общения, товарищества, воспитывающего в ребёнке умение делиться, заботиться о людях, помогать другим.

Николай не лишён тщеславия, которое заставляет его двигаться вперед, но в отличие от брата и сестры, живущих сердечными порывами, он не делает и шага без осознания собственной выгоды. Лучше всего главного героя романа описывает влюблённая в него Аннинька. «Нет, ты не можешь никого любить. У тебя нет души», – говорит героиня. – «Если б ты был влюблён, я бы и не посмотрела на тебя. Это обыкновенно. А вот рыба – хороша, холодная рыба..!».

В романе очень примечательной оказывается близость этих молодых людей, которая основана не на чувствах, а на необходимости «покончить взаимные томления», о которой рассуждает Николай, испытывая первое чувственное влечение к Анниньке. Справедливость слов, сказанных Аннинькой по отношению к Николаю, объясняется её собственным поведением: героиня на самом деле не ищет любви, близкого ей по духу и интересного человека, она ищет объект для реализации своей страсти: «Она с такой силой и энергией тормозила и жала меня, что надо было удивляться, откуда берётся столько тигровой страсти в слабом, женственном теле всегда красневшей, невинной институтки» [5].

Читатель романа видит, как хорошо и ловко приспосабливается к жизни Николай Негорев, строя своё благополучное будущее. Внешние порывы и происшествия не затрагивают его сердечных или душевных струн с такой силой, чтобы Николаю приходилось страдать и мучиться: герой вовсе лишён способности чувствовать, просто он ставит перед собой достижимые идеалы земного благоденствия, к которому в романе и приходит.

Примечательно, что стереоскопичность и особую полноту произведению придают те переключки и соотнесения между героями, которые помогают читателю понять истину и позицию автора. На протяжении романа Николай Негорев оказывается в разных жизненных ситуациях, а его путь и выбор сопоставляются с дорогами и выбором людей, его окружающих.

Фигура Николая очень контрастно соотносится, прежде всего, с образами увлечённого новейшими идеями Оверина и влюблённой в Николая мудрой и тонкой натуры Софьи Васильевны. Куцевский продуманно описывает отношения героев, их возможную тягу друг к другу. Так, Лиза Негорева в романе влюбляется в Оверина ещё до встречи с ним, по рассказам брата об этом человеке, более того, только благодаря обманному ходу самого Николая, уведолившего Лизу и Оверина о полном равнодушии героев друг к другу, Лиза не отправляется за Овериним на каторгу.

Поистине эпической по количеству духовных сил оказывается в романе фигура Сергея Оверина – мальчика-правдолюбца и мечтателя, молодого человека, склонного к размышлениям о жизни и философским рассуждениям. Примечательно, что Негорев и Оверин в романе имеют значимые для понимания их позиций фамилии: один, как оказывается, не склонен к горестям, просто их не воспринимает, другой с детства тянется к вере, страстно желая служить идее и жить ею.

Примечательно, что в гимназии Негорев и Оверин оказываются двумя одиночками, но если для Николая одиночество выгодно в плане выживания и приспособления, то для Оверина оно оказывается образом жизни: его размышления слишком далеки от дум прочих гимназистов, а стремление к правильной жизни, жизни за идею и ради идеи делает его слишком недостижимым для остальных. Но только в детстве герой говорит именно о вере и спасении верой. Тринадцатилетний Оверин предлагает Николаю Негореву уйти в лес и жить отшельниками: «Читали вы жизнь старца Серафима? Я думаю уйти сначала куда-нибудь в лес, хоть не так далеко. <...> Пройдёт десять – двадцать лет, мы сделаемся стариками и будем угодны богу так, что нам будут поклоняться медведи и дикие звери» [5]. Оверин говорит о вечной жизни, достигаемой в результате обретения святости, об умерщвлении плоти и преодолении искушений. Читатель узнает, что из-за смерти бабушки Оверина не отдали в монахи: «Бабушка хотела отдать меня в монахи, – с сосредоточенной серьёзностью заговорил он опять, – и я всё хотел, да она умерла, и тётка отдала меня сюда» [5].

Скорее всего, этот не избранный по воле случая путь был бы самым лучшим для Оверина, так и не нашедшего веры. В гимназии мечта Оверина об отшельничестве очень быстро сменяется другими замыслами и увлечениями, он проходит через признание единственно силы, очень символически оказываются и его рвение к службе, строгость и жёсткость при развернувшейся в гимназии игре в полк. После гимназии Оверин выбирает математический факультет и увлекается новыми идеями, вместе с товарищем он даже грезит открытием новой науки, наконец, Оверин осознаёт, что его важнейшим делом является борьба за права простого народа, крестьян, и он уезжает, начинает череду выступлений перед крестьянами, объясняя им истинное положение дел и призывая к восстановлению их прав.

Куцевскому удаётся создать очень интересную и колоритную фигуру, причём отношение автора к ней очень неоднозначно. Куцевский одновременно и восторгается своим героем, силой его воли, прямолинейностью, способностью игнорировать мелочи и жить поиском истины, и жалеет его, а также потраченные на напрасные поиски молодость и силы этого человека, сгорающего в порывах. Куцевский видит всю абсурдность слишком неуравновешенного поведения Оверина, буквально кидającegoся на неоправданный риск за кажущуюся верной идею.

Очень важно, что автор романа не даёт прямых характеристик действиям Оверина, понимание позиции самого Куцевского складывается у читателя благодаря описаниям реакций на вести об Оверине других героев: «Получая удивительные известия о похождениях Оверина, Андрей хохотал, как сумасшедший, и весело потирал руки. Он находил, что Оверин имеет теперь

большое сходство с Дон-Кихотом... Катерина Григорьевна находила, что Оверин может быть героем современной эпической поэмы во вкусе Байрона. <...> Володя отзывался о подвигах Оверина с оттенком некоторой презрительности, находя, что всё это не больше не меньше как выходка сумасшедшего» [5]. Примечательна в данном случае объективность изображения и авторской оценки происходящего; Куцевский избирает очень мудрый и наиболее уместный для эпического романа ход: итоги поведения и действий его героев определяются самой жизнью.

Читатель романа осознаёт, что эпическая сущность небольшого по объёму романа достигается Куцевским за счёт умелого соотнесения фигур и определения жизненных приоритетов, прорисовывания частных судеб на фоне эпохи. Помимо пути взросления своих персонажей, Куцевский красочно прорисовывает мир образовательных учреждений того времени, изображает правила и абсурдные порядки гимназии, из которой, к счастью, всё более вытесняются унижение учеников телесными наказаниями, замена преподавания воспитательными процедурами во вкусе каждого из необразованных педагогов, передаёт атмосферу университетской жизни, наконец, веяния и настроения молодёжи.

Примечательна в романе фигура Софьи Васильевны – очень обаятельной женщины, убеждённой труженицы и демократки, попытавшейся жить по правилам и распорядку внешне и живущей по совести внутренне. Показательны в романе любовь её к Николаю, не стоящему этого искреннего чувства, и преждевременная смерть героини. Софья Васильевна слишком восприимчива и нежна для жизни, в которой Негорев оказывается «холодной рыбой».

Эпическая объективность авторской манеры повествования достигается за счёт нередко цинической откровенности самого Николая Негорева, рассуждающего о своей жизни и об окружающих его людях: именно эта позиция, довольного собою, трезвого, успешного и равнодушного к бедам других, но способного к самоиронии и критике рассказчика, распространяется и на увлечённых идеалистов, которые всё ещё болеют мечтами. Лучше многих слов о положении таких, как Оверин, людей, которые в своей убеждённости остались не у дел, говорит фигура добившегося успеха Николая Негорева, который благодаря своей хитрости и предприимчивости удачно женится на знатной богатой невесте: «Старик представил меня невесте, и через месяц, когда мы венчались, я уже был членом особой комиссии, назначенной для рассмотрения моего предложения. В каких-нибудь четыре недели я двинулся настолько вперёд, насколько не подвинулся бы при других обстоятельствах в четыре года» [5].

Действительно, как отметил Н.И. Пруцков, Куцевский изобразил историю превращения разночинца в «благополучного россиянина». Только вот Николай Негорев, по мысли автора, строит своё счастье на обломках других жизней. Благополучие Негорева – это благополучие маленького карьериста переходного времени, лишённого широты души и умертвившего собственное сердце. В финале романа Негорев окончательно порывает с прошлым, безжалостно отказываясь от друзей: «Господи! Когда-то эти были моими товарищами! Когда-то все мы были равны». «Благополучный россиянин», оказавшись в других кругах жизни, забывает о собственно человеческом облике и человеческой сущности каждого. Впрочем, и в этой сущности каждого героя, как показывает автор, нужно ещё убедиться. Художественный мир романа Куцевского расширяется и благодаря показательным сравнениям, открывающим правильное видение проблем и перспектив. Так, Негорев навещает Оверина в тюрьме и отмечает в бывшем друге «девственную, непринуждённую грацию дикаря»: «В самом деле, все движения его были красивы, как движения дикого животного, не тронутого цивилизацией» [5].

Читатель понимает, что Негорев слишком погряз в расчётах и приспособленчестве, он настолько далёк от искренности, что иная натура, замеченная им в Оверине, ассоциируется у него с дикой природой. Автор романа показывает, что людей, лишённых веры и сердечной чуткости, цивилизация не красит, она обезличивает их, превращая в существ, наделённых способностью к благоденствию. Благодаря созданию системы контрастов в романе, образам полярных героев, которые когда-то были соединены родством (как братья и сестра Негоревы), общим кровом (как все гимназисты), писателю удаётся создать полюсные представления, показать объёмные сталкивающиеся и пересекающиеся мировоззрения и системы ценностей, «частное довести до предела конкретности, а общему придать значимость всечеловеческую» [2, с. 283].

Список литературы

1. Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы / Н. Я. Берковский. – Л. : Наука, 1975. – 184 с.
2. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы / Б. И. Бурсов. – Л. : Сов. писатель, 1967. – 396 с.
3. Горнфельд А. Куцевский Иван Александрович / А. Горнфельд – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kushewskij_i_a/text_0010.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз рус.
4. Замотин И. И. Тенденциозная беллетристика 60–70-х годов / И. И. Замотин // История русской литературы XIX века : в 5 т. – М. : Мир, 1911. – Т. 4. – С. 129–159.
5. Куцевский И. А. Николай Негорев, или Благополучный россиянин / И. А. Куцевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kushewskij_i_a/text_0040.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз рус.
6. Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века: неклассические формы: Курс лекций / В. А. Недзвецкий. – М. : МГУ, 2011. – 152 с.
7. Пруцков Н. И. Роман о «новых людях» / Н. И. Пруцков // История русского романа : в 2 т. – М. – Л. : Наука, 1964. – Т. 2. – С. 68–96.

References

1. Berkovskiy N.Ya. O mirovom znachenii russkoy literaturyi. L., Nauka, 1975. 184 p.
2. Bursov B. I. Natsionalnoe svoeobrazie russkoy literaturyi. L., Sov. pisatel, 1967. 396 p.
3. Gornfeld A. Kushevskiy Ivan Aleksandrovich. Available at: http://az.lib.ru/k/kushewskij_i_a/text_0010.shtml.
4. Zamotin I.I. Tendentsioznaya belletristika 60–70-h godov. Istoriya russkoy literaturyi XIX veka : in 5 vol. M., Mir, 1911. Vol. 4, pp. 129–159.
5. Kushevskiy I.A. Nikolay Negorev, ili Blagopoluchnyiy rossiyanin. Available at: http://az.lib.ru/k/kushewskij_i_a/text_0040.shtml.
6. Nedzvetskiy V.A. Istoriya russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy: Kurs lektsiy. M., MSU, 2011. 152 p.
7. Prutskov N. I. Roman o «novyih lyudyah». Istoriya russkogo romana : in 2 vol. M., L., Nauka, 1964. Vol. 2, pp. 68–96.